

9. Федосеева О. Ю. Педагогическая диагностика духовного и нравственного развития младших школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 2. С. 206-210.
10. Лихачев Д.А. Земля родная. М., Просвещение. 1983. С. 19.

References

1. Vygotsky L. S. Problems of cultural development of the person. Psychology of human development. - М.: Publishing Sense; Eksmo. 2005. 1136 p.
2. Berdyaev N. Ah. The appointment of man. Experience of paradoxical ethics. Ed. Modern notes. Paris, 1931. 320 PP.
3. Il'in I. A. the Path of spiritual renewal., ed.Preface., OTV.edited by O. A. Platonov. Moscow: Institute of Russian civilization, 2011. 1216.
4. Strategy of formation of regional solidary society in 2011-2025. Belgorod. 2011 43 p.
5. Ziyatdinova F. G. Social problems of education. М.: Russian. state humanit. Univ. of Illinois, 1999. 282 p.
6. Ushinsky K. D. Selected pedagogical works: In 2 T. М., 1974. Vol.2. P. 160.
7. Likhachev D. S. Essays on the philosophy of artistic creativity. 2nd ed., supplemented. SPb., Publishing house: Russian-Baltic information center BLITZ, 1999. P. 190
8. Vygotsky L. S. Psychology of art / Ed. Red. M. G. Yaroshevsky, М., 1987. P. 229-250.
9. Fedoseeva O. Scientific-methodical «concept»Electronic journal diagnostics of spiritual and moral development of Junior schoolchildren". 2014. Vol.2. P. 206-210.
10. Likhachev D. A. Native Land. М., Enlightenment. 1983. P. 19.

СМИРНОВ М. Ю. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Аннотация. В статье рассмотрены изменения в предметном поле социологии религии, происходящие в результате возникновения новых форм религиозной жизни общества. Автор указывает на необходимость развития качественных исследований и формирования новых теоретических подходов в социологии религии.

Ключевые слова: социология религии; социологические теории религии; религиозная идентичность; новые формы религии.

SMIRNOV M. YU. SOCIOLOGY OF RELIGION IN SEARCH OF MEANING

Abstract. The article deals with the changes in the subject field of sociology of religion that occur as a result of the emergence of new forms of religious life of society. The author points to the need to develop qualitative research and the formation of new theoretical approaches in the sociology of religion.

Keywords: sociology of religion; sociological theories of religion; religious identity; new forms of religion.

Социология религии, в качестве относительно артикулированной отрасли знаний, начиналась столетие тому назад не с полевых исследований, а как академическая деятельность, воплотившаяся в социологические теории религии, ныне ставшие уже классикой. Это было закономерно, поскольку требовалась аккумуляция многообразного и разнопланового исследовательского материала, наработанного к тому времени в предметных сферах разных направлений социального познания. Проще говоря, на рубеже прошлого и позапрошлого веков происходило комплексное осмысление того состояния, в котором перед исследователями предстал объект по имени религия.

Далее последовал вековой путь развития, когда произошло становление эмпирического и прикладного уровней социологии религии. Наполняемость социологического знания о религиях конкретикой постоянно требовала разработки более точных методик получения и проверки данных.

Теоретизирование при этом обычно как бы догоняло эмпирические исследования, схватывая и выражая в различных концепциях многообразие и динамику отношений в обществе по поводу религий.

Рискну утверждать, что в социологии религии за всё время её существования было немного, так сказать, «опережающих теорий», которые бы из обобщения наличных данных предсказывали возможные варианты развития религиозной ситуации, как локально, так и в глобальном масштабе. Можно, конечно, какие-то случаи такого рода теорий разыскать в умозрениях тех или иных мыслителей, засветившихся на поле социологии религии (концепт «культы» как типа сообщества у Говарда Беккера, например). Но всё же очевидно, что прогностическая функция – это далеко не самое сильное, чем может похвастаться социология религии.

Обращаясь к трём временным измерениям религии – прошлому, настоящему и будущему, – социология религии неплохо описывает «post factum» диахронные процессы, пытается более или менее адекватно отразить синхронные, но настороженно затихает перед прогностикой.

И это обстоятельство заставляет задуматься над банальным вопросом: а в чём смысл социологического исследования религий, если оно не имеет убедительных перспективных выводов, довольствуясь постоянным замером текущей религиозной динамики и превращая это в самодостаточное действие?

Говоря о прогностике, я вовсе не имею в виду какие-то футурологические умствования, уводящие в даль далёкую. Социолог религии не должен быть звездочёт-предсказателем в глубины будущего, втайне надеющимся, что к тому времени «помрут либо эмир, либо осёл, либо они оба». Но на объяснение обозримой перспективы социология религии работать должна.

Убеждён, что попытаться это сделать можно, прежде всего, вновь, как и столетие тому назад, обратившись к академической теоретической работе. Надо выбираться из ползучего эмпиризма количественных исследований. Ныне наша отрасль стоит перед необходимостью новых социологических теорий религии. Слишком переменялось «поле» или, точнее, обстоятельства существования религий, чтобы по-прежнему увлечённо разглядывать деревья, не видя за ними леса.

Количественные исследования исчерпали ресурс эффективности, – не вообще как таковые, а в том смысле, что уже не могут ничего прибавить к тому, что можно опознать и без них. Скорее, эти исследования создают «магию цифр» (пользуясь фразеологизмом из названия известной статьи Филатова и Лункина [2]) и фактически не отражают реальность, а конструируют некие правдоподобные образы реальности. Часто же просто работают на манипулирование общественным сознанием. Собственно, сила обаяния количественных исследований – в цифрах. Поддаваясь этому влиянию, мы оказываемся, вольно или невольно, сродни пифагорейцам. Цифра ведь это знак числа, а число всегда наделяется каким-то магическим свойством.

Качественные исследования и экспертные оценки показывают, что предметная сфера социологии религии существенно меняется. Возникает то, что трудно идентифицировать с религией в традиционных понятиях, используемых религиоведением.

Что же является более или менее видимыми признаками изменений в объекте (религиях), а значит и изменения самого объекта? Назову только два признака.

1. Наличие относительно широкого масштаба религиозной самоидентификации при одновременном отсутствии у большинства приверженцев любой религии устойчивых вероучительных представлений, при не востребованности доктринальных смыслов и адаптации религиозных практик к повседневным, т. е. профанным нуждам.

Можно сказать, что во все времена верующие были мало искушены доктринальными познаниями. Но в условиях монопольного положения религий, конфессионально инспирированные умонастроения всё равно преобладали в мотивации образа жизни, от бытовой повседневности до актов экономической и социальной активности.

Из аналитики этих процессов родился знаменитый «тезис Вебера», как теория, показывающая определяющую роль религиозных установок в формировании разных типов социальности. Похожую корреляцию, как известно, искал и С. Н. Булгаков в ракурсе проблем «православной общественности» и «православной этики и духа капитализма». Но для убедительности такого теоретизирования было хорошее условие – наличие устойчивого конфессионального бэкграунда, пусть и в приблизительных понятиях, но свойственного большинству субъектов этой корреляции.

Ныне же, с учётом последствий секуляризации и мировоззренческого плюрализма, приходится наблюдать процесс иного рода – социальность вносится в размытое религиозное сознание, структурируя его в зависимости от целей такой интерполяции.

Это может быть, допустим, внесение радикально-экстремистской политической мотивации, как оно происходит, например, в среде участников ряда движений приверженцев ислама. Это может быть и внесение мотивации патриотизма и служения государству, как оно происходит в современной России среди приверженцев православия. Можно и ещё какие-то близкие по интенции модусы обнаружить.

То есть, упрощенно говоря, не религиозные потребности формируют социальность, а социальность интегрируется в религиозную сферу и преобразовывает её по своим лекалам.

При этом внешняя конфессиональная маркировка сохраняется и ей даже уделяется повышенное внимание, когда эффектная, эстетизированная и эмоционально подпитываемая, форма или презентация религиозной экипировки успешно компенсирует размытость вероучительных смыслов и угасающий ритм собственно религиозных практик.

Самоидентификация людей с религией, происходящая преимущественно в режиме адаптации вероучительных норм к повседневному жизненному миру верующих, – это распространённое состояние в религиозной ситуации любого современного общества [5]. Уже не раз отмечалось, что религиозная идентичность выступает в действительности своего рода превращённой формой этнической, гражданской или вообще социальной идентичности [1].

Из анализа такого состояния в России возможен, к примеру, вывод, что православие существует как мистически генерированная номинация, но не как целостность в социальном плане, причём не только в силу разных исторических обстоятельств бытия конфессии, но и поскольку «православная» идентичность конструируется из произвольных трактовок самого православия, совсем не обязательно предполагающих конфессиональные смыслы. Обычная ситуация – самоопределение в качестве православных без воцерковлённости или даже вообще без веры в Бога (феномен так называемых «православных атеистов»). Аналогичные состояния свойственны и другим религиозным традициям (при известной специфике каждой из них).

2. Религии явно утратили монополию на так называемую духовную сферу, хотя по инерции продолжается декларирование тождество духовности и религиозности. В современных условиях плюрализма возникла и усиливается ситуация конкуренции предлагаемых религиозных и нерелигиозных «продуктов» при мировоззренческом выборе.

Кстати, нерелигиозные это вовсе не обязательно антирелигиозные. Так называемый «новый атеизм» далеко не стал чем-то чрезвычайно влиятельным и уж точно не может быть широкомасштабной альтернативой религиям.

Но функциональные эквиваленты прежним моделям религиозного выбора реально существуют и увлекают растущие контингенты последователей. Наблюдаются такие

явления, которые в широких масштабах ранее не фиксировались. На свободе от былой жёсткой религиозной институциональности возникает плюралистическое разнообразие явлений, – апатеизм, бриколаж, вернакулярность, гибридизация, игностицизм, итсизм, исповедание без принадлежности и принадлежность без исповедания, креолизация, транскультурация, «vicarious religion» и проч. Всё это уже трудно опознаваемо по традиционным «признакам религии». Сюда же добавим и феномены квазирелигий, киберрелигий (в виртуальном пространстве), пародийных религий. По точному наблюдению Даниэль Эрвьё-Леже: «...индивид строит свой духовный и религиозный микромир из калейдоскопа разбросанных повсюду элементов, почти всегда вырванных из того символического синтаксиса, который позволил бы их адекватно ‘прочсть’. Что ж, надо просто исходить из этого факта, а не тщетно сожалеть о тех ушедших временах, когда религиозная и идеологическая социализация в раннем возрасте способствовала созданию компактных, стабильных идентичностей, ясно друг от друга отличимых и социально идентифицируемых» [4, с. 260].

Указанные признаки вовсе не являются свидетельством пресловутого «кризиса религии». Вообще-то кризис – это показатель того, что организм как раз борется за выживание. И действительно, повсеместно происходят трансформации, при которых образуется новый тип институциональности – сохранение и укрепление организационных функций конфессиональных сообществ при нечувствительности их участников к вероучительному контенту религий. Религиозные организации эффективно удерживают внешние маркеры, вроде упрощённых форм как бы религиозного поведения, уже почти не обязывая последователей вникать в доктринальные смыслы. Мистический опыт не исчезает при этом, но уходит в глубины приватного религиозного сознания. Это – свидетельство не якобы упадка религии, но скорее переустройства институциональных устоев религий. Религии зримо получают новую востребованность, но не в их мистико-сотериологическом значении, а как символические представители этнической, социальной или политической идентичности.

Что со всем этим делать социологии религии? Получается, что, пройдя трудную дорогу становления, социология религии за это время сформировала образ объекта, на котором отработаны исследовательские методики и теоретические модели, но который всё больше уходит в прошлое и не собирается дожидаться, пока социологи религии организуются, вооружатся новыми методами и дружно приступят к его изучению.

Надо признать, что с религией творится что-то такое, что уже далеко не всегда поддаётся привычному научному инструментарию. Наиболее проникательные исследователи ищут адекватные подходы, будь-то так называемая «новая парадигма в социологии религии» или, скажем, «социология духовности» [3, с. 209–211, 355–359].

Это подсказывает нам актуальный вектор развития социологии религии, смысл которой должен определяться новым теоретизированием, способным не только охватить спектр обозначенных новаций и трансформаций, но и стать основой социологического прогноза перспектив религиозной жизни общества. Иначе зачем тогда нужны наши научные штудии?

Литература

1. Пронина Т С. Религия в поисках идентичности в постсоветской России. – Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015.
2. Филатов С. Б., Лункин Р. Н, Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. – 2005. – № 6. – С. 35–45.
3. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: Платоновское философское общество, 2017.
4. Эрвьё-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна / пер. с фр. А. С. Агаджаняна // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 1 (33). – С. 254–268.

СУХОРУКОВ В.В. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 11-ОГО ЧЛЕНА НИКЕО-КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО СИМВОЛА ВЕРЫ

Аннотация. Автор проанализировал различие между старым и новым вариантами Никео-Константинопольского Символа веры. Изменения, внесённые в его 11-ый член, осмыслены по трём концептуальным параметрам. Показана противоположность старообрядцев и новообрядцев. Социология религии может использовать этот подход в качестве гипотезы или критерия.

Ключевые слова: Символ веры; воскресение; инверсия; фальсификация; классификация.

SUKHORUKOV V.V. SOCIOLOGICAL ASPECT OF ELEVENTH PART OF NICEO-CONSTANTINOPLE CREED

Abstract. Author analysed distinguish between old and new variants of Nickeo-Constantinople Creed. Changes in eleventh part of it comprehended by three conceptual parameters. Opposition of old and new believers is shown. Sociology of religion can use this approach as hypothesis or criterion.

Keywords: Creed; resurrection; inversion; falsification; classification.

Одним из ключевых элементов любой религии является Символ веры. В некоторых религиях он может отсутствовать в явном виде или по причине высокой динамичности вероучения, или по принципиальным соображениям о невербализуемости основных догматов, или ещё в связи с какими-либо обстоятельствами. Православие, однако, имеет специальную молитву соответствующего характера.

По отношению к деятельности патриарха Никона в XVII в. православие в России существует в двух основных вариантах: предреформенном и постреформенном. Первый вид имеет относительно нейтральное название «старообрядчество, старование» (постреформенные православные полагают их раскольниками, сектантами). Второй вид не имеет безоценочного специального названия, которое было бы столь же распространено, как старообрядчество (а с негативной коннотацией есть термин «никониане»), поэтому будет логично именовать его «новообрядчеством» или «нововерием».

Цель данной статьи — найти связь между религиозным вероучением и общественной жизнью. Метод достижения цели — сравнительный анализ Символов веры старообрядцев и новообрядцев. Объектом исследования является одиннадцатый член Никео-Константинопольского Символа веры как самого распространённого в богослужебной практике.

Таблица 1. Сравнительный анализ вариантов Символа веры

Конфессия	Старообрядчество	Новообрядчество
Основания сравнения		
Формулировка	Чаю воскресения мертвым	Чаю воскресения мертвых
Падеж	Дательный	Родительный
Смысл	Действие Бога	Автономный процесс
Основание	Воля Бога	Свойство человека
Статус человека	Объект	Субъект